

ЛЮБОВНОЕ СТИХОТВОРЕНИЕ ИЗ ПОГРЕБАЛЬНОЙ ПЕЩЕРЫ В МАРЕШЕ (ПАЛЕСТИНА)

Одной из интереснейших в археологическом отношении областей Израиля является район Мареша – Бейт-Гуврина. Мареша – еврейский город, упоминающийся в Ветхом Завете (Jos 15:44; I Chr 2:42 и др.); родом из Мареша был пророк Михей (Миха). После разрушения I Храма Мареша была заселена идумейцами и постепенно стала главным городом Западной Идумеи. Расцвет города приходится на эпоху эллинизма, когда в Марисе (так она стала называться) обосновалась богатая община сидонян. Гиркан I вновь завоевал Марису, и она оставалась в руках иудейских царей вплоть до похода Помпея. В 57–55 гг. до н. э. римский наместник Сирии Габиний отстроил было город, пришедший в запустение после хасмонейского завоевания, однако в 40 г. до н. э. его окончательно разрушили парфяне.

То, что после разрушения город больше не заселялся (Fl. Jos. AJ XIV, 75 = BJ I, 156), способствовало обилию археологических находок в Мареше. Однако начала разрастаться находившаяся в двух километрах к северу от него деревушка Байтогабра, постепенно превратившаяся в город, который римляне и византийцы называли Елеутерополисом, крестоносцы – Гибелином, арабы – Бейт-Джибрином, а евреи – Бейт-Гуврином.

Первые археологические открытия в районе Мареша – Бейт-Гуврина были сделаны в XIX в., в основном французскими учеными, а систематические раскопки начали проводиться в начале прошлого века англичанами. В 1902 г. вышла книга Ф. Блисса, Р. Макалистера и Р. Вюнша,¹ включавшая обширную главу, посвященную раскопкам “Тель-Сандоханны” – так назывался тогда этот район по развалинам византийской церкви св. Анны. В 1905 г. вышла фундаментальная монография Дж. Петерса и Г. Тирша,² посвященная открытиям, сделанным в марисейских пещерах. Благодаря тщательным прорисям, вы-

¹ F. J. Bliss, R. A. S. Macalister, R. Wünsch. *Excavations in Palestine During the Years 1898-1900* (London 1902).

² J. P. Peters, H. Thiersch. *Painted Tombs in the Necropolis of Marissa* (London 1905).

ΟΥΚ ΕΧΩΤΙΣ ΟΙΤΕΛΩΣ ΙΤΙΧΑΡΙΣΜΗΚΑΤΑΚΕΝΗΜΙΜΕΘΕΤΕΡΟΥΣΕΜΕΓΑΦΙΛΟΥΣΑ
 ΛΛΗΛΑ ΙΤΙΝΔΡΟΔΑ ΤΙΝΕΣ ΓΑΤΙΧΑΡΙΣΜΟΤΙΣΟΥΤΟΙΜΗΤΙΟΝ ΕΝΕΞΤΡΑΚΕΙΤΑΙ
 ΛΛΕΓΩΜΕΤΡΑΠΟΤΡΕΧΩΣ ΟΙΔΕΚΑΤΑΜΕΤΩ ΕΥΡΥΧΩΡΙΝΗ ΤΕΟΛΛΗΝ ΤΕ ΡΑΣΣΩΤΙΓΟΥΣΑ Η
 ΜΙΚΡΟΥΣΤΟΡΤΟΙΧΗΝ ΦΟΦΟΣΕΓΓΕΙΓΕΤΡΑΛΛΗΛΑΤΩΝ ΕΘΡΩΝ ΓΕΓΥΜΑΣΤΕΚΕΙΤΑΙ

Стихотворная надпись из Марешы (по кн.: J. P. Peters, H. Thiersch. *Painted Tombs in the Necropolis of Marissa* [London 1905])

полненным авторами этой книги, росписи пещер, вскоре уничтоженные местными мусульманами (этот акт вандализма объясняется религиозным запретом на изображения живых существ), в наше время были восстановлены.

Изучение района Мареша – Бейт-Гуврина было продолжено во время раскопок 1959–1960 гг. под руководством Элизера Орена, но более интенсивное исследование возобновилось только в 1972 г. Результатом работы многолетней археологической экспедиции во главе с Амосом Клонером станут несколько томов, посвященных Мареше (находятся в стадии публикации), и том, посвященный Бейт-Гуврину (в стадии подготовки). Исследованием греческой и римской эпиграфики района Мареша – Бейт-Гуврин занимается в основном Леа Ди Сеньи; греческие остраконы и остальной материал, содержащий надписи по-гречески (например, свинцовые гири), исследует автор настоящей статьи; арамейский материал разрабатывает Эстер Эшель. Кроме того, управление национальными парками совместно с археологическим управлением организовало в районе раскопок археологический заповедник, главной достопримечательностью которого являются так называемые “колокольные” водосборные пещеры и римский амфитеатр.³

Однако в настоящей статье мы хотели бы затронуть не последние археологические открытия в Мареше, а одно из самых первых – стихотворную надпись из погребальной пещеры.

Итак, в конце XIX в. в так называемой “Сидонской” погребальной пещере (названной так потому, что погребения принадлежали членам богатой сидонской общины, существовавшей в городе со времен раннего эллинизма) на стене напротив входа в пещеру была найдена стихотворная надпись, вызвавшая обширную дискуссию. Часть погребальных надписей в Сидонской пещере содержит датировку по селевкидскому летоисчислению. Погребения относятся к 196–119 гг. до н. э. Примерно II в. до н. э. можно датировать и стихотворную надпись. Текст был написан на стене совершенно четким почерком и поэтому практически не вызывает сомнений. Расхождения между интерпретаторами сводятся к разбивке текста на слова и конъектурам.

Текст надписи, принятый нами, таков:

³ Обзор археологических исследований см.: M. Avi-Yonah, A. Kloner. Maresha (Marsa) // E. Stern (ed.). *New Encyclopedia of Archaeological Excavations in the Holy Land III* (Jerusalem 1993) 948–957; A. Kloner. Maresha // *Explorations and Surveys in Israel 4* (1985) 64.

1. οὐκ ἔχω τί σοι πάθω ἢ τί χαρίσωμαι· κατακεῖμαι μεθ' ἑτέρου σὲ μέγα φιλοῦσα,
2. ἀλλὰ ναι τὴν Ἀφροδίτην, μέγα τι χαίρω, ὅτι σου τὸ ἰμάτιον ἐνέχυρα κεῖται.
3. ἀλλ' ἐγὼ μὲν ἀποτρέχω, σοὶ δὲ καταλ(ε)ίπω εὐρυχωρίην πολλήν· πρᾶσσε, ὅ τι βούλη,
4. μὴ κροῦε τὸν τοῖχον· ψόφος ἐγγίνεται, ἀλλὰ διὰ τῶν θυρῶν νεῦμα σ' ἰκεῖται.

Замечания к тексту:

1. κᾶτα κεῖμαι Garrod.⁴
2. ὅτι σου θοιμάτιον ἐνέχυρα κεῖται Crönert – Wünsch;⁵ ὄ<τ>τι σοῦ θοιμάτιον <ἐνθ'> ἐνέχυρα κεῖται Garrod.
3. εὐρυχωρίην γ' ὄλην Garrod; πρᾶσσε, ὅτι βούλη Crönert – Wünsch.
4. μὴ κρότει τὸ[ν] τοιχ<ί>ον· ψόφος ἐγγένοιτ' ἄν Garrod; νεῦμα σ' ἰκεῖται Lagrange;⁶ ἀλλὰ διὰ τῶν θυρῶν νεῦμά σ' ἰκνεῖται Crönert – Wünsch; ἀλλὰ διὰ τῶν θυρ<ιδί>ων νεῦμ' εἰσικ(ν)εῖται Garrod (эта поправка Гаррода, как и предыдущие, представляется нам избыточной); νεῦμασι κεῖται Peters – Thiersch,⁷ Crusius.⁸ Это чтение предполагает повтор одного и того же глагола в одной и той же форме в стк. 2 и 4.

Толкование всего выражения у Петерса основывается на его фантастическом переводе νεῦμα как 'sleep', от семитского נָוַם (nwm), – глагола, который действительно означает 'спать', однако к данному тексту не имеет отношения, ведь такой семитизм нигде больше не встречается, в отличие от хорошо засвидетельствованного греческого существительного νεῦμα. Смысл всего выражения διὰ τῶν θυρῶν νεῦμασι κεῖται Петерс понимает как реплику третьего лица, обращенную к находящемуся в трауре возлюбленному: "Through the doors she lieth in sleep". Макалистер ставит после слова θυρῶν знак препинания:⁹ μὴ κροῦε τὸν τοῖχον· ψόφος ἐγγίνεται, ἀλλὰ διὰ τῶν θυρῶν, νεῦμασι κεῖται, – то есть "Do not strike the wall; that does but make a noise, but through the doors. It lieth in nods". Такое решение более приемлемо с точки зрения смысла, однако оставляет едва ли допустимый

⁴ H. W. Garrod. *Locria* // *CR* 37 (1923) 161–162.

⁵ W. Crönert [– R. Wünsch]. *Das Lied von Marisa* // *RhM* 64 (1909) 433–448.

⁶ M. J. Lagrange. *Deux hypogées macédo-sidoniens à Beit-Djibrin. Palestine* // *CRAI* (1902) 502.

⁷ Peters. Thiersch. *Op. cit.*, 57.

⁸ *Heronidae mimiambi*. *Novis fragmentis adjectis* ed. O. Crusius (Lipsiae⁵1914) 129 (Anonymus Marissaeus).

⁹ R. A. S. Macalister. *The Erotic Graffito in the Tomb of Apollophanes of Marissa* // *Palestine Exploration Foundation Quaterly Statement* (1906) 56.

Тем не менее нам кажется, что после рассмотрения тщательных прорисей, приводимых у Петерса и Тирша и у самого Макалистера, нельзя сделать вывод о наличии разных почерков. Незначительные различия в форме нескольких букв в разных строках можно, как нам кажется, объяснить неудобством письма на вертикальной оштукатуренной поверхности. Мы, вслед за Петерсом и Тиршем,¹¹ считаем, что данный стихотворный отрывок является репликой одного лица. В тексте нет ничего, что однозначно указывало бы на наличие диалога. Третья строка представляет собой скорее развитие предыдущего или, возможно, введение новой темы в рамках одного и того же монолога и во всяком случае не является ответом на первые две строки.

Хотя содержание надписи с первого взгляда определяется как любовное, уже первый ее публикатор Лагранж (см. прим. б) предположил, что надпись связана с погребальным обрядом и представляет собой как бы обращение умершей жены к живому мужу. Петерс¹² придерживался похожей точки зрения, однако считал, что речь идет не о супружеской паре, а о любовниках. Зато Тирш¹³ видел в стихотворении обращение гетеры к своему возлюбленному: “There is nought that I may do [suffer] for thee or wherein I may please thee: I lie with another though loving thee dearly. But, by Aphrodite, of one thing I am very glad: that thy cloak lieth in pawn. But I run away and to thee I leave behind plenty of free room. Do what thou wilt. Do not strike the wall; that does but make a noise, but through the doors. It lieth in nods”. Большинство исследователей видят в “Марисейской песне” именно любовное стихотворение. Макалистер¹⁴ с помощью достаточно вольной реконструкции совмещает “романтическую” версию с “кладбищенской”. В качестве одного из доводов *contra* можно указать на то, что надпись находится на стене переднего помещения пещеры, перед входом в собственно погребальный зал – а не возле одной из погребальных ниш, как того можно было бы ожидать, если бы она была посвящена определенной усопшей.

Тирш¹⁵ считал, что перед нами любовное стихотворение, написанное девушкой у входа в погребальную пещеру, давно не употреблявшуюся по прямому назначению (иначе влюбленных отпугнул бы трупный запах), которая, не будучи посещаемой, могла служить местом встречи пар, состоявших в неофициальных отношениях. По его мне-

¹¹ Peters. Thiersch. *Op. cit.*, 57.

¹² *Ibid.*, 75.

¹³ *Ibid.*, 57.

¹⁴ R. A. S. Macalister. *A Century of Excavations in Palestine* (London 1925) 323.

¹⁵ Peters. Thiersch. *Op. cit.*, 57.

нию, литературный язык надписи и отсутствие ошибок указывают на то, что девушка – автор стихотворения была образованной гречанкой, похожей на тех, которых эллинистический царь Сидона привозил в качестве кормилиц и танцовщиц с Ионийских островов, из Пелопоннеса и других районов Греции (см. Theopomp. apud Athen. XII, 531 b–c). Подобного же мнения придерживается Ламер,¹⁶ предполагавший, что автором стихотворения была свободная девушка, возможно, даже из хорошей семьи, которой приходилось назначать свидания на кладбище. По мнению Крузиуса (см. прим. 8), стихотворение представляет собой диалог между влюбленной гетерой и юношей, убегающим от нее “в одном хитоне”, которого в заключительной строке гетера уговаривает вернуться. Фуке¹⁷ полагает, что это стихотворение свидетельствует о ранней эллинизации этого района (хотя считает его “уличной песней”, а не литературным произведением).

Более правдоподобной представляется точка зрения других исследователей – например, Крёнерта, – согласно которой рассматриваемое стихотворение является не импровизацией ad hoc или своего рода стихотворной запиской, а уже существовавшим текстом, записанным по памяти кем-то, кто посетил погребальную пещеру, – весьма вероятно, по поводу, сходному с первоначально предполагавшимся. Причиной, побудившей это лицо записать на стене стихотворение, возможно, было опоздание той или того, с кем этот человек должен был встретиться.

Однако в отличие от Крёнерта¹⁸ мы считаем, что содержание стихотворения нуждается в дополнении. Текст содержит детали, неясные вне более широкого контекста, в котором, очевидно, они первоначально и находились. Почему девушка “(воз)лежит с другим”, хотя любит того, к кому обращается? Каким образом попал к ней его плащ? Зачем она уходит и оставляет ему “свободу действий”? Почему она так уверена, что он не прекратит контакта с ней и попытается связаться с помощью стука в стенку или, как она советует, неких других “знаков”? Очевидно, что перед нами не самостоятельный текст, а отрывок из произведения большего объема.

Жанр этого произведения невозможно определить с точностью – слишком маленький отрывок находится в наших руках, – однако на основании содержания и стиля можно сделать некоторые предположе-

¹⁶ H. Lamer. Der Kalypso-Graffito in Marissa (Palästina) // *Zeitschrift des Deutschen Palästina-Vereins* 54 (1931) 65.

¹⁷ G. Fuks. *Scythopolis – A Greek City in Eretz-Israel* (Jerusalem 1983) 33 (Hebrew).

¹⁸ Crönert [– Wunsch]. *Op. cit.* 438.

ния. Мы явно видим драматическую ситуацию, точнее – комедийно-драматическую. В то же время в новой комедии, отличавшейся сентиментальностью, трудно себе представить ситуацию, когда героиня (обычно остающаяся чистой, несмотря на пребывание в сомнительных местах) “лежит с другим” чуть ли не прямо на сцене или хотя бы по сюжету. В то же время в эллинистической литературе известны другие жанры, содержащие элемент драматизации, – например, идиллии, как у Феокрита, или мимиямбы, как у Герода. Крёнерт¹⁹ полагал, что надпись относится к ионийскому жанру (в тексте стк. 3 присутствует ионизм εὐρουφώριν),²⁰ близкому к мимиямбу – или к одному из видов мимиямба, называемому “локийскими песнями”; при этом, однако, он считал содержание стихотворения самодостаточным. Для сравнения Крёнерт привел еще одно стихотворение, известное как “локийская песня” (Crusius [см. прим. 8] p. 128 = Athen. XV, 697 b). Его примеру следуют Виламовиц²¹ и Гаррод.²² По замечанию Афиней (XV, 697 c), τοιοῦτων γὰρ ἄσμάτων... πᾶσα πλήρης ἡ Φοινίκη. Родиной мимиямба считалась Александрия (см., напр., Cic. *Rabir. Post.* 12, 35), так что в появлении произведений такого рода в районе Марешши, который в течение длительного периода находился под властью Птолемеев, можно увидеть одно из проявлений культурного влияния эллинистического Египта, – наряду, например, с культом Исиды, свидетельства существования которого были найдены при раскопках.²³

Каким образом можно попытаться восстановить содержание мима (“локийской песни”?), из которого взят данный отрывок? У женщины, являющейся гетерой или чьей-то наложницей, но в любом случае не располагающей собой, есть роман с кем-то посторонним, кто, возможно, обещает ее выкрасть или выкупить (распространенный в новой комедии мотив). В качестве залога любовник оставляет у нее плащ. Она сомневается, приведет ли это к счастью для нее, однако решается действовать. Пока что она должна “лежать с другим” – возможно, “лежать” не в интимном смысле, а “возлежать” на ложе во время пирушки. Если верно второе, герой может при этом присутствовать (быть гостем на пирушке); тогда героиня и в самом деле может “уйти и

¹⁹ *Ibid.*, 439.

²⁰ См.: Peters, Thiersch. *Op. cit.*, 58.

²¹ U. von Wilamowitz-Moellendorf. *Griechische Verskunst* (Berlin 1921) 344–345.

²² Garrod. *Op. cit.*, 162.

²³ Примеры стихотворного материала, относящегося к египетской эллинистической традиции, можно найти в сборниках: J. U. Powell (ed.). *Collectanea Alexandrina* (Oxford 1925) (наше стихотворение см. на с.184); A. Cossatini. *Poesia mimetica Alessandrina* (Milano – Roma – Napoli 1913) и других.

оставить ему свободу действий, чтобы он делал, что пожелает”, – вероятно, имеется в виду некий заранее подготовленный им план. После этого он должен “подать ей знак” или “кивнуть”, но только не стучать в стенку, чтобы не производить шума.

Фукс²⁴ видит в залоге плаща у гетеры “по ханаанскому обычаю” свидетельство восточного происхождения автора. Однако оставление вещей у возлюбленной (вполне возможно, что слово “залог” употреблено здесь в переносном смысле) является общим мотивом (так, Крёнерт (ар. Powell [см. прим. 23] 184) указал в этой связи на Theos. 2, 156: юноша оставляет у возлюбленной свою баночку с мазью для занятий борьбой).

Итак, почти с уверенностью можно сказать, что “Марисейская песня” является отрывком из одного из видов мимиямба, и предположить, что она была нацарапана на стене “Сидонской пещеры” кем-то, кто был вынужден провести там какое-то время – возможно, в ожидании романтической встречи.²⁵

Отдельный вопрос представляет собой метрическая структура отрывка. Относительно его размера выдвигалось несколько предположений. Вюнш (см. прим. 1) и Крёнерт (см. прим. 5) полагали, что стихотворение написано свободными иониками; Виламовиц²⁶ усматривал в ст. 1, 3, 5 каталектические трохаические диметры, переходящие в рейцианы; в ст. 2, 4, 6 рейцианам, по его мнению, предшествуют неопределимые метры, в ст. 7 и 8 – ямбы. Гаррод²⁷ видел здесь трохаические триметры. Макалистер²⁸ считал, что 1–3 строки написаны трохеем, а четвертая строка, действительно отличающаяся большими отклонениями от трохаической схемы, скорее является попыткой на-

²⁴ Fuks. *Op. cit.*. 74.

²⁵ Часть исследователей (Crönert [– Wunsch]. *Op. cit.*. 438; Macalister. *A Century of Excavations*. 323; Lamer. *Op. cit.*. 66) связывают “Марисейскую песню” с еще одной надписью, по-видимому, также романтического характера, найденной на другой стене той же пещеры (так называемой “Надписью Калипсо”). Предполагалось, что имена во второй надписи – Мирон и Калипсо – суть имена участников диалога в первой: однако и сам Макалистер сначала сомневался в связи “Надписи Калипсо” с “Марисейской песней” (Macalister. *The Erotic Graffito*. 61–62). В свете разделяемого нами предположения о литературном характере “Марисейской песни” такая версия представляется еще менее вероятной. Поскольку в “Надписи Калипсо” употребляется слово *εἴδρα*, присутствующее и в “Марисейской песне”, можно предположить, что жрец Мирон (или тот, кто под этим именем выступал), будучи в склепе по подобному же романтическому поводу, прочел написанное на стене кем-то другим стихотворение и процитировал его в собственной надписи.

²⁶ Wilamowitz-Moellendorf. *Op. cit.*. 345.

²⁷ Garrod. *Op. cit.*. 162.

²⁸ Macalister. *The Erotic Graffito*. 61.

писать два ямбических триметра, причем ее автор знает греческий хуже, чем авторы первых трех строк.

Мы склоняемся к точке зрения Гаррода. Действительно, в метрической схеме отрывка можно увидеть расшатанный трохаический триметр. Попытка выявить в разбираемых строках сочетание нескольких сложных размеров предполагает, что это должен был проделать их автор, – а это сомнительно, если учесть, к какой аудитории он обращался.

В соответствии с нашим пониманием метрической природы данного отрывка позволим себе предложить русский свободный стихотворный перевод:

Я не знаю, будет счастье иль придет беда,
Я лежу с другим, но только о тебе мечтаю,
Афродитой поклянусь, так приятно мне,
Что ты хотя бы этот плащ оставил мне в залог.
Впрочем, время мне идти отсюда, а тебе
Полную даю свободу, – делай все, что хочешь,
Только в стенку не стучи – поднимется галдеж,
Разве что мне кивни, как мимо двери ты пройдешь.

Хава Корзакова

Университет Бар-Илан, Израиль

In the beginning of the 20th century a curious metrical inscription, dated to the 3rd – 2nd century B. C. E., was found in Maresha (Hellenistic Marissa), Israel. The inscription was published by M. J. Lagrange (*CRAI* 1902, 497–505), then in J. P. Peters and H. Thiersch, *Painted Tombs in the Necropolis of Marissa* (London 1905).

Almost instantly after it was published, the inscription caused wide discussion. Some scholars, including the first publisher, asserted that the inscription referred to a funeral cult and that its author conversed directly with a deceased wife or girlfriend. Others, including H. Thiersch, preferred a more amusing version, namely that the poem was inscribed on the wall of the funeral cave by a free girl or *hetaira* for her lover whom she waited for in vain.

We believe that the song was not an *ad hoc* inscription but a passage from a drama of a genre close to Greek New Comedy. The quote was inscribed by a person who had been waiting in an abandoned funeral cave for a tryst. We hypothesise that the contents of the whole text concerned a *hetaira*'s ransom.

W. Crönert (*RhM* 64 [1909] 433–448) and after him U. von Wilamowitz-Moellendorff (*Griechische Verskunst* [Berlin 1921] 344–345) attribute the song to *Carmina Locrica*, the Ionic genre close to *mimiambus*. Although it is hard to establish the exact genre of the song with certainty, the following two facts provide some clues: (1) Marissa at that time was under the rule of the Ptolemies; (2) Alexandria

was known as the birthplace of *mimiambi* (see for instance Cic. *Rabir.* 12, 35). It is thus possible that the song from Marissa was of Hellenistic Egyptian origin.

Another love inscription comes from the same funeral cave, known as the “Kalypto song”. Some scholars thought that both inscriptions mentioned the same characters but offered no proof. Indeed, the metrical structure of the second inscription is hexametric, while the first is written in trochaic trimeter. On the other hand, both inscriptions include the same word νεῦμα (‘sign’). It was probably this word that triggered the second visitor to write another song after he or she saw the first one.

Since there is at least one more similar inscription from another funeral cave in Maresha, further research is required to analyse this phenomenon.